

другое зло прииде, другой зверь подобен первому явился не образом, но делы".¹

Внешне этот способ характеристики человека еще очень близок средневековой системе, — самые образы старые, — но функция их в значительной мере новая, поскольку новым оказывается самое видение человеческого характера, восприятие человеческой личности, ее оценка. И то, и другое, и третье оказываются бесконечно более сложными, чем в предшествующий период, и, вместе с тем, более реальными, более близкими действительности.

* * *

В чем же исторические корни новых воззрений на человеческую личность, нашедших себе место в литературных произведениях начала XVII в.?

Новое отношение к теме человеческого характера отразило общее накопление опытного знания и отход от теологической точки зрения на человека, начавшийся в XVI в. и усиленно развивавшийся в XVII в.

Новое отношение к человеку было одним из проявлений постепенного процесса нарастания реалистических элементов в литературе.

Период крестьянской войны и польско-шведской интервенции способствовал огромному накоплению опыта социальной борьбы во всех классах общества. Именно в это время вытесняется из политической практики, хотя еще и остается в сфере официальных деклараций, теологическая точка зрения на человеческую историю, на государственную власть и на самого человека.

Чтобы представить себе конкретно влияние нового социального опыта на литературу, обратимся к некоторым фактам. Мы видели выше, что обсуждению в литературе подвергались в первую очередь характеры монархов. Это далеко не случайно. Здесь сказалась новая практика поставления на царство „всею землею“. Если в XVI в. Грозный в своих посланиях к Курбскому отрицал право подданных судить о действиях своего государя, утверждал богоизбранность монаршей власти, а в посланиях к Стефану Баторию насмешливо отзывался о его поставлении по „многоятежному человеческому хотению“, то вскоре после его смерти это положение резко изменилось: в 1598 г. состоялись первые выборы русского государя „всею землею“. Теологическая точка зрения на происхождение царской власти и идея неподсудности монарха человеческому суду получила первую, очень серьезную трещину.

Утвержденная грамота Бориса Годунова 1598 г., хотя внешне и опирается еще на идею божественного происхождения царской власти, но практически объясняет необходимость власти государя чисто „земскими“ причинами. Государь необходим для благосостояния своих подданных и об этом выразительным жестом заявил сам Годунов во время

¹ Там же, стр. 195.